

Баланкова Татьяна Сергеевна

Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет

Филологический факультет, 1 курс

Научный руководитель:
Порозов Владимир Александрович
доцент кафедры философии
и общественных наук,
кандидат исторических наук

Образ города Перми в современной художественной литературе

Жизнь человека неразрывно связана с местом в котором он родился, вырос, живет, и в котором каждое его воспоминание связано с тем или иным местом в городе. С детства родные улицы остаются в памяти, сохраняя лучшие воспоминания. Позже это площади, парки, театры, музеи – вся культурная жизнь города. Мой город– Пермь. Он захватывает своей историей, окружает жизнью, так, что чувствуешь себя неотъемлемой частью его существования. И полностью окунаешься в Живую Пермь. Частью этой жизни, единым образом города являются на мой взгляд, тексты пермских писателей.

Например, у Нины Горлановой Пермь – это не столько место, сколько люди, отношения между ними: «А нам в Перми хорошо работается и всех жалко»[3. С. 6].

Вот впечатления девочки Бебы произведения Бэлы Зиф «Провинция» в чужом городе Молотов такие: «И вообще, живу я в этом Молотове, как в тюрьме. Ладно, ещё разрешают на полчаса во двор выйти». Город на Каме стал для автора увеличительным стеклом, сквозь которое всё видится отчетливее: новые улицы, пейзажи, жизнь окружающих людей. Именно с осозна-

ния себя частью города, частью своей принадлежности ему начинается постепенное приятие города и любовь к нему: «Моя жизнь удачно разместилась между двумя домами, стоящими на улице Ленина под номерами 52 и 81» [4. С. 208]. Бэла Зиф стала по-другому смотреть на такие чужие, страшные, морозные улицы Перми – они теперь родные, они приняли ее и она в полной мере счастлива.

Пермь Бэлы Зиф – это в большей степени ландшафт: «Несмотря на некоторые специфические особенности, Разгуляй строго подчинялся законам природы. Зимой нужен был глаз да глаз! Валил снег, грозивший упрятать его до макушки. С утра пораньше или с вечера попозже огребались: кололи лед ломом, скребли, подхватывали, тужились, поднимая и переваливая через сугробы, взрослые и детские деревянные лопаты»... [4. С. 208]

В творчестве пермских авторов образ Перми представляется поразному. В повести «Географ глобус пропил» Алексея Иванова, Пермь – это соединение огромных зданий, заводов, мостов и окружающей их природы: «Район был застроен двухэтажными бревенчатыми бараками, похожими на фрегаты, вытасценные на берег. Прощально зеленели палисадники. Ряды потемневших сараев стояли по пояс в гигантских осенних лопухах. Служкин вышел на крутой обрывистый берег Камы и поверху направился к судоремонтному заводу. Высокая облачная архитектура просвечивала сквозь тихую воду реки. Алые бакены издалика казались рябиновыми листьями. Узкая дамба подковой охватывала затон. Под ветвями старых, высоких топей на дамбе, отражаясь в коричневой, стоячей воде затона, застыли белые теплоходы» [5. С. 507]. Это – Закамск, точнее Водники.

А вот – центр города. В романе Леонида Юзефовича «Казароза» Пермь, с одной стороны – некая географическая карта, на которой подробно указывается местоположение пунктов: «Город...преимущественно деревянный, но планировкой напоминал Петербург. Одни улицы шли параллельно Каме, другие – перпендикулярно. Пересекались они строго под прямым углом и на одинаковом расстоянии друг от друга. Все кварталы имели форму равнове-

ронного квадрата. Исключений не было. Улицы, перпендикулярные Каме, за городом переходили в торговые тракты и носили имена тех географических пунктов, куда по ним в итоге можно было добраться. Улицы, идущие вдоль реки, назывались по расположенным на них церквям: Вознесенская, Воскресенская, Покровская. Исключения были, потому что церковей насчитывалось больше, чем улиц, а крупных городов поблизости – меньше».

С другой стороны, Пермь у Юзефовича обретает черты мифологического пространства: «В этой сетке координат, напоминающей белую решетку на морде у Глобуса, в одной плоскости пересекались линии двух параллельных пространств – земного и духовного. В точках пересечения стояли водопроводные колонки, большей частью бездействующие. Варанкин с семьей обитал в одном из таких мест, в необшитом бревенчатом доме с огородом на углу Покровской и Соликамской». Интересно, через окраины, Пермь перерастает в Россию: «еловые леса стояли на берегу, закат сыпал розовыми перьями. В легких шитиках покачивались на волне рыбаки. Из Камы выходили в Чусовую, оттуда — в Сылву, смотрели на белые известняковые обрывы, на пологие холмы, где перед походом в Сибирь зимовал Ермак» [6. С. 288].

В нашем университете есть Кафедра новейшей русской литературы, на которой создана электронная энциклопедия CD, прослушав которую, я узнала о молодом писателе Иване Козлове, упоминающем в своем творчестве город Пермь. Поэт Иван Козлов, в свою очередь, тоже объяснил свое неоднозначное отношение к городу: «Я остро нуждаюсь в открытых пустых пространствах, в каких-то природных ландшафтах, я не городской человек, я ненавижу города и мой родной город в частности. Город кажется мне чужеродным элементом в моей жизни, случайной занозой, досадным недоразумением. Наверное, именно это меня толкает постоянно его исследовать, переваривать, затягивать в стихотворную форму. Исследовать то, что не является враждебным, нет никакой особой нужды. При этом (или поэтому) город мне

крайне интересен, с этим тоже глупо было бы спорить» [5. Интервью: И. Козлов].

Действительно, лирический герой И. Козлова постоянно пытается понять причины своего «родового проклятия», однако предопределенность собственного пути герой также ощущает как ловушку места.

Не отвлекаясь на мелочи, надо думать о том, что важнее:
Вроде ногти всё время пострижены, зубы целы, карма чиста.
Но всё равно колесо моих бесконечных перерождений
Вряд ли раскрутится за пределы Красавинского моста,
Здесь принято отрубать себе руку для постижения дзена,
Здесь ни одно направление никогда никуда не ведёт,
Здесь вас готовы выслушать исключительно стены,
Здесь дребезжит костяной крошащийся небосвод.
Убранный снег самосвалы сгружают на снежной свалке,
Где снежная мафия держит бесправных снежных рабов.
Любой, кто находится здесь, – в какой-то степени сталкер.
Мне кажется, этот город решительно нездоров.
Его потроха вылеплены из кирпича и картона,
А у меня вообще пустота скрывается под пальто.
И один из нас реципиент, а другой, однозначно, донор,
Хотя я до последнего не смогу понять, кто есть кто.
[4. С.149].

Герой, несмотря на «чистую карму», оказывается бессменным узником предопределенного и ограниченного пространства. Пребывание внутри заданного хронотопа ощущается бессмысленным, бесперспективным, потому как пространство перестает быть конкретным, оно становится фантомным: «Здесь ни одно направление никогда никуда не ведёт», одновременно оно мгновенно сворачивается, сужается до низкого «крошащегося небосвода» и стен, внутри которых оказывается одинокий герой. Герой И. Козлова – не маргинал и аутсайдер, но сталкер, персонаж, способный преодолевать границы привычного и обыденного, способный сам выступить проводником в

инные пространства и измерения. В то же время герой Козлова ощущает с городом странное единство, реализующееся через метафору болезни, которая очень ярко характеризует состояние героя – окончательную потерянность не только во времени и пространстве, но и в осознании себя самое.

Интересно сравнивать мою, окружающую лично меня, Пермь с той, что изображена в произведениях современной литературы. Что-то совпадает, что-то нет. Но город, описанный пермскими писателями, так или иначе, продолжает ту Пермь, которую знаю я, и становится её частью.

Список литературы

1. *Горланова Н.* Нельзя. Можно. Нельзя: роман-монолог// Знамя. – 2002. – № 6. – С. 6–69.
2. *Зиф Б.* Провинция. – Пермь: Звезда, 2004. – 208 с.
3. *Иванов А.* Географ глобус пропил: роман. – СПб: Азбука-классика, 2005. – 507 с.
4. *Козлов И.* Стихотворения // Современная уральская поэзия 2004–2011: Антология / ред. В.О. Кальпиди. – Челябинск: Изд. группа «Десять тысяч слов», 2011.
5. Литература Пермского края XXI века: электронная энциклопедия: CD [отв. редактор Ю.Ю. Даниленко; Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т, каф. новейшей русской литературы. – Пермь, 2013].
6. *Юзефович Л.А.* Казароза. 1920–1975: роман. – М.: Зебра Е; Эксмо; Де-конт+. – 288 с.